

№ 11.

Ч. ВЪТРИНСКІЙ.

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ШЕВЧЕНКО,

УКРАИНСКІЙ ПОЭТЪ.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО СКЛАДА А. М. МУРИНОВОЙ.

А. ВАРЬЯНСКИЙ.

ТАРАСЪ ЛЬВОВЕВЪ

ШЕВЧЕНКО

УКРАИНСКИЙ ПОЭТЪ

ПОДАНИЕ КНИЖНИКАТО СЪСТАВИ А. М. ВАРЬЯНСКИЙ

Ч. Вѣтринскій.

Тарасъ Григорьевичъ
ШЕВЧЕНКО,
украинскій поэтъ. 9 февраля
о кре-
въ де-
уѣзда,
акъ въ
помѣщика
принадлежали Гру-
ихъ семью въ ближ-
Здѣсь и прошло
писателя.

МОСКВА.

Типографія „Развѣтъ“, уголь Воздвиженки и Кисловки, д. Шмитъ.
1894.

Разрешено цензурою. Рига, 27 января 1894 года.

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО,

(УКРАИНСКІЙ ПОЭТЪ).

Составилъ Ч. Вѣтринскій.

I.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, по отцу Грушевскій, родился 25 февраля 1814 года въ семьѣ крѣпостного крестьянина Григорія Грушевскаго, въ деревнѣ Моринцы, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Не позднѣе, какъ въ 1816 г., управляющій имѣніемъ помѣщика Энгельгардта, которому принадлежали Грушевскіе, переселилъ ихъ семью въ близнее село Кирилловку. Здѣсь и прошло все дѣтство будущаго писателя.

Въ семьѣ, кромѣ отца и матери, было шестеро дѣтей; Тарасъ былъ третьимъ.

Отецъ и мать ежедневно ходили на барщину, а за Тарасомъ присматривала только сестра Катерина, на 8 лѣтъ старше его. На рукахъ ея было все домашнее хозяйство, и когда пяти-шестилѣтній Тарасъ бродилъ по улицѣ, огородамъ и полямъ съ другими ребятами, тринадцатилѣтней нянькѣ бывало не до него. Быстроглазый, бѣлокурый, здоровый и шаловливый парнишко рано присматривался ко всему, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Кирилловка и по сю пору стоитъ на очень красивомъ мѣстѣ. Прежде, на невыпаханномъ еще черноземѣ, тутъ еще лучше теперешняго были и сады, и рощи по оврагамъ изъ вербы, и тополя, и зеленая степь съ разбросанными по ней высокими курганами-могилами, какъ называютъ ихъ на Украинѣ. Разъ мальчикъ лежалъ въ саду подъ деревомъ и засмотрѣлся на голубое небо, на поля, на курганъ, что стоялъ противъ сада въ степи. А что тамъ, за горой? — вдругъ вздума-

лось мальчику.—Должно быть желѣзные столбы, что, сказываютъ, подпирають синее небо. И захотѣлось ему посмотрѣть, какъ они тамъ подпирають. Всталъ и пошелъ. Вышелъ за село, прошелъ съ полверсты полемъ до могилы и вскарабкался на нее посмотрѣть, далеко ли еще до тѣхъ столбовъ. Стоитъ мальчуганъ на могилѣ, смотреть во всѣ стороны: и по одну сторону село, и по другую сторону село, и тамъ изъ темныхъ садовъ выглядываетъ трехглавая церковь, крытая бѣлымъ желѣзомъ, и тамъ тоже выглядываетъ церковь изъ темныхъ садовъ и тоже крытая бѣлымъ желѣзомъ. „Нѣтъ,—думаетъ мальчикъ: — сегодня поздно, не дойду я до тѣхъ столбовъ, а завтра — вмѣстѣ съ Катрею. Она въ стадо коровъ погонить, а я пойду къ желѣзнымъ столбамъ. Сегодня же—домой пора.“ Пошелъ, да не въ свое, а въ чужое село, въ Моринцы. На счастье встрѣтились чумаки, подивились, куда бредетъ такой

маленькій хлопчикъ, и привезли его уже въ сумерки въ Кирилловку. Семья сѣла уже ужинать и только Катря не ужинала, а подперши голову рукою, поджидала у воротъ гуляку. Подхватила она его на руки и посадила ужинать, потомъ на радости, что „приблуда“ благополучно вернулся, уложила его спать, перекрестила, поцѣловала и опять шутливо назвала приблудою. Она всегда была Тарасу нянькою нѣжною и терпѣливою.

Такъ, довольно привольно, прошли первые 8—9 лѣтъ жизни Т. Г. Шевченко. Тутъ отъ тяжелаго труда и нужды умерла еще не старою его мать, всего на 32-мъ году жизни. Незадолго до того Катерина вышла замужъ и домъ остался безъ хозяйки. За вдовца съ пятью малолѣтними дѣтьми никому не было охоты идти замужъ. И вотъ, Григорій Грушевскій женился на вдовѣ-же, у которой отъ перваго мужа осталось трое дѣтей. На бѣду мачиха оказалась женщиной свар-

ливой и суровой. Въ домѣ начались сodomъ и свара. Не проходило часу безъ слезъ и драки между дѣтьми, безъ ссоръ между отцомъ и мачихою. Бойкій Тарасъ зачастую тузилъ любимаго сына мачихи, тщедушнаго Степанка, а за то мачиха особенно возненавидѣла Тараса.

Однажды вышелъ такой случай. Въ домѣ жилъ какой-то солдатъ. У него украли „три злотыхъ“ (45 коп.) Для солдата, конечно, бѣдняка, 45 копѣекъ были деньги не малыя, и онъ поднялъ шумъ. Мачиха взвела вину на нелюбимаго пасынка. Тарасъ клялся, что не бралъ денегъ, но мачиха стояла на своемъ. Со страху мальчикъ сбѣжалъ со двора и за-прятался въ кусты, въ заброшенный садъ ~~крестьянина жениха~~, и просидѣлъ тамъ четверо сутокъ. Про то знала только младшая сестра Тараса, Ирина, но она молчала, тайкомъ приносила брату ѣду и играла съ нимъ. Въ кустахъ калины Тарасъ устроилъ себѣ какой-то шалашъ,

подѣлалъ возлѣ него дорожки и усыпалъ ихъ для красоты пескомъ. На пятый день дѣти мачихи выслѣдили Тараса и его взяли на допросъ. Дядя, Павелъ Грушивскій, связалъ мальчику руки и ноги и началъ стегать его розгами, чтобы онъ признавался. Отъ боли Тарасъ не выдержалъ и сказалъ, что деньги ввязалъ и закопалъ ихъ въ землю. Его развязали и требовали указать мѣсто, гдѣ деньги закопаны; этого Тарасъ, конечно, не могъ сдѣлать, и вотъ снова началось жестокое истязаніе. Наконецъ, полумертваго Тараса бросили въ темный амбаръ, а изъ одежды его матери взяли юбку, продали и вырученные деньги отдали солдату. Потомъ уже оказалось, что воромъ былъ какъ разъ тотъ-же Степанко. Понятно, эти случаи ожесточали мальчика; онъ начиналъ смотрѣть травленнымъ волченокъ. Добродушный и ласковый отъ природы, ребенокъ начиналъ хитрить, только и думалъ, какъ-бы надуть мачиху, какъ-бы насолить ей или ея дѣтямъ.

Еще при на житье въ школу къ дьячку Шевченкоу, человѣку очень жестокому церковныя у пьяницѣ. тестемъ, а въ субботу Бугорскій съѣкъ всѣхъ старыя вре — лѣнныхъ, чтобъ были при — былъ, чтобъ — лѣжныхъ, чтобъ не залѣни — образованный, а старшій ученикъ рять малороссы. Тарасъ — грамотѣ, но вель себя въ школѣ у сель — скаго дьячка плохо: сильно проказилъ и не разъ отвѣдывалъ березовой каши. То и дѣло онъ удиралъ изъ школы, цѣлыми днями пропадалъ по оврагамъ или въ излюбленномъ саду жениха. Сестры украдкой приносили ему туда ѣсть, а онъ либо просто любовался на весь міръ Божій, либо пѣлъ пѣсни, а то рисовалъ что-нибудь украденнымъ изъ школы карандашомъ на украденной же бумагѣ. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ по селамъ было не мало маляровъ-иконописцевъ: вѣроятно, отъ нихъ Тарасъ и перенялъ охоту къ рисованью.

подѣлалъ возлѣ него дорожкиевъ, отецъ ихъ для красоты пескомъ. продолжалъ день дѣти мачихи выслѣдили инѣ и на-его взяли на допросъ. Дядя, Пяньше вресивскій, связалъ мальчику рѣзавилъ и началъ стегать его розгами. убогаго на-признавался. Отъ боли Таравъ Тараса, жалъ и сказалъ, не оставилъ, а сказалъ только такія слова: „сыну Тарасу изъ моего имущества ничего не надо, онъ не будетъ человѣкомъ какимъ-нибудь; изъ него выйдетъ или что-либо очень хорошее, или же большой негодай. Ему мое наслѣдство или ничего не составитъ, или ничего не поможетъ.“ Отцовское сердце вѣрно разгадало сына, которому шель теперь уже 12-й годъ.

Чтобъ отвязаться отъ нелюбимаго пасынка, мачиха посылала его пасти телятъ и свиней въ окрестностяхъ Кирилловки. Съ ломтемъ чернаго хлѣба хлопецъ проводилъ лѣтомъ цѣлые дни, гдѣ-нибудь въ полѣ, на высокой могилѣ. На зиму маль-

чика отдали на житье въ школу къ дьячку Бугорскому, человѣку очень жестокому и большому пьяницѣ.

Каждую субботу Бугорскій сѣкъ всѣхъ учениковъ, — лѣнивыхъ, чтобъ были прилежнѣе, прилежныхъ, чтобъ не залѣнились. Во время порки старшій ученикъ долженъ былъ читать четвертую заповѣдь: „Помни день субботній и т. д...“ Кто приносилъ старшему гостинцы, для тѣхъ онъ читалъ заповѣдь скороговоркой; кто приносилъ мало или совсѣмъ не приносилъ, тому старшой читалъ заповѣдь медленно, нараспѣвъ, такъ что наказаніе выходило больше. Шевченко учился хорошо и за успѣхи былъ назначенъ старшимъ. Въ этомъ званіи онъ научился продѣлывать ту же штуку и сталъ большой руки взяточникъ.

Дѣлалъ онъ это больше всего съ голоду. Дьякъ не заботился о своемъ ученикѣ, сытъ-ли онъ, одѣтъ-ли. Дьяку поручали читать надъ покойниками. Въ-

сто себя онъ посылалъ Тараса. Мальчикъ читалъ псалтырь громко и выразительно и считался лучшимъ чтецомъ въ деревнѣ. Не было въ селѣ покойника, надъ которымъ онъ не прочиталъ бы псалтыря. За это давали кнышъ (пшеничный хлѣбъ) и копу грошей (полтиникъ). Эту плату дьякъ отбиралъ себѣ, а Тарасу давалъ десятую копѣйку. Онъ долженъ былъ исполнять у дьяка всякую домашнюю тяжелую работу: таскать воду изъ колодца, рубить дрова и получалъ за это не мало колотушекъ. Тарасъ ходилъ въ грязной дырявой свиткѣ и въ такой же рубахѣ; о шапкѣ и сапогахъ и помину не было. Разъ какой-то сердобольный мужикъ подарилъ ему за чтеніе надъ покойникомъ кожи на сапоги, но ее отобралъ дьякъ. Съ голоду Тарасу случалось красть гусей и утокъ; ночью въ оврагѣ, или въ другомъ потайномъ углу, онъ пекъ ихъ на угольяхъ и ѣлъ полусырыми. Праздникомъ для него было, когда онъ могъ сходить

въ гости къ своей любимой сестрѣ Катрѣ, въ сосѣднее село Зеленое; онъ приходилъ босой, полунагой, голодный, со всякою нечистью въ головѣ.

Наконецъ у Тараса лопнуло терпѣніе. Разъ дьякъ напился пьянъ до безчувствія. Мальчикъ связалъ своего мучителя, высѣкъ его, сколько хватило силенки, стащилъ у дьяка какую-то книжку съ „кунштшиками“ — картинками и убѣжалъ въ сосѣднее село Лысянку.

Въ Лысянкѣ жилъ дьяконъ-маляръ. Къ нему-то и напросился Шевченко, чтобъ научиться живописи. Вышло, что у дьякона были тѣ-же обычаи, что и у дьяка. Три дня Тарасъ терпѣливо таскалъ на гору воду изъ рѣчки, да растиралъ на желѣзномъ листѣ краску мѣдянку. На четвертый онъ ушелъ въ Тарасовку; тамъ жилъ дьячекъ-маляръ, славившійся въ околodкѣ образами великомученика Никиты и Ивана Воина. Тарасъ рѣшилъ, что вынесетъ все, а ужъ выучится у

него живописи и самъ. Дьякъ, какъ цыганка, посмотрѣлъ на лѣвую руку мальчика и прогналъ его: по рукѣ онъ увидѣлъ будто-бы, что Тарасъ не то, что въ маляры, не годится даже ни въ сапожники, ни въ бондари.

Съ великимъ горемъ Тарасъ вернулся въ отцовскую избу, въ Кирилловку, и напросился въ деревенскіе пастухи. Онъ рассчитывалъ, что будетъ весь день одинъ, въ полѣ, будетъ время почитать и любезную книжку съ картинками. Но пастухъ вышелъ изъ Тараса никуда не годный. Сядетъ онъ гдѣ-нибудь на могилѣ, уткнется въ книжку, или просто затянетъ пѣсню да засмотрится на синее небо, на облака, на зеленую степь, на чернѣющія вдаль могилы, а коровы съ овцами разбредутся тѣмъ временемъ во всѣ стороны; вечеромъ и собирай ихъ сами хозяева. Рѣшили прогнать Тараса.

Пріютилъ его старшій братъ Никита Григорьевичъ; сталъ пріучать его къ

земледѣлю и къ своему ремеслу-стельмашеству. Но и тутъ не вышло толку. Тараса оставить боронить поле, а онъ бросить воловъ, чтобъ посмотрѣть какой цвѣтокъ выросъ въ сторонкѣ, отойдетъ, забудетъ про воловъ да и побредетъ въ степь, куда глаза глядятъ. Никита, по настоянiю мачихи, отдалъ наконецъ Тараса въ услуженiе священнику Григорiю Кошицѣ. Тарасъ присматривалъ за скотиной да запрягалъ буланую широкохвостую кобылу о. Кошицы. Жилось тутъ недурно. Священникъ съ женою были люди простые. Когда не было гостей, они проводили время съ причтомъ и прислугой въ большой чистой кухнѣ, которая занимала полдома. Въ зимнiе вечера о. Кошица давалъ Шевченко, какъ грамотному, какую-нибудь книжку. Но и здѣсь способностей къ хозяйству Тарасъ не выказалъ, такъ что о. Кошица отзывался о немъ всегда неодобрительно: „ледащiй.“

Отъ священника Тарасъ опять ушелъ

попытать счастья у маляра, въ село Хлѣбновку. Хлѣбновскій иконописецъ былъ потолковѣе тарасовскаго и взялъ Тараса къ себѣ на испытаніе. Двѣ недѣли онъ присматривался къ способностямъ Шевченко и рѣшилъ, что изъ него будетъ прокъ. Тутъ вышло новое затрудненіе. Шевченко былъ уже на возрастѣ и его могли потребовать на барщину. Маляръ не могъ принять его къ себѣ безъ письменнаго дозволенія помѣщика: иначе помѣщикъ или управляющій могли бы потребовать Шевченко, какъ бѣглаго, и маляру за то, что держалъ бѣглаго, крѣпко досталось бы. Вотъ онъ и посовѣтовалъ Шевченко пойти къ управляющему въ мѣстечко Ольшаную и выпросить себѣ письменное дозволеніе.

Въ это время какъ разъ помѣщикъ Ангельгардтъ поручилъ управляющему Дмитренко набрать и отправить въ Вильну для панича, молодого Ангельгардта, дворовыхъ: поваровъ, лакеевъ и прочей

челяди. Дмитренко очень удивился, что какой-то оборвышъ пришелъ къ нему въ Ольшаную за позволеніемъ учиться живописи. Онъ сталъ спрашивать Тараса: смысленный видъ и бойкая рѣчь подростка ему понравились, и онъ приказалъ ему идти въ дворовые къ молодому барину. Такъ Тарасу пришлось снова бросить мечту о живописи и вдобавокъ разстаться съ родною Украйной, а ее онъ успѣлъ всею душою полюбить, на волѣ бродя по ея рощамъ, полямъ, по степямъ. Это было въ 1829 г.; Шевченко 16-й годъ.

Прислугѣ, набранной для мого гельгардта, сдѣлали сперва кто на что годенъ. Шевченко в порахъ очутился поваренкомъ, былъ чистить кострюли, таскать дрова, выносить помой; о живописи нечего было и думать. Однако с картинамъ и тутъ не покидала его. При всякомъ удобномъ случаѣ, за первый по-

павшійся грошъ онъ покупалъ какую-нибудь картинку у захожаго коробейника, а если не на что было купить, покушался на воровство. Такъ набралось у него не мало этихъ картинокъ. Съ ними Тарасъ прятался отъ многочисленной дворни въ саду. Въ густой чащѣ деревьевъ, подальше отъ барскихъ хоромъ, онъ развѣшивалъ свои сокровища по вѣтвямъ, и здѣсь на досугѣ пѣлъ пѣсни, или ерисовывалъ какого-нибудь Соловья-разбойника или Кутузова. За частыя отлучки изъ кухни поваръ нерѣдко и больно его колачивалъ.

Наконецъ, Шевченко съ другими дворовыми отправили въ Вильну. Въ списокъ отправленныхъ управляющій отмѣтилъ, что Шевченко годенъ въ комнатные живописцы. Однако, помѣщикъ рѣшилъ, что самое Тарасу подходящее дѣло быть казачкомъ. Помѣщикъ разѣзжалъ то въ Вильну, то въ Варшаву, то въ Кіевъ, и всюду бралъ съ собою и Шевченко. Казачекъ долженъ былъ молча сидѣть цѣлый

день въ передней да ждатель приказана-набить трубку, подать платокъ, отворить дверь и тому подобное. Но и тутъ Шевченко не могъ уговориться: чуть слышно распѣвалъ унылыя гайдамацкія пѣсни или тайкомъ срисовывалъ что-нибудь.

Разъ въ Варшавѣ нашъ казачекъ поздно ночью срисовывалъ при свѣтѣ салнаго огарка портретъ казака Платова*). За этимъ занятіемъ засталъ его помѣщикъ и приказалъ больно высѣчь—не за то, что рисовалъ, впрочемъ, а за то, что своимъ огаркомъ онъ могъ поджечь весь домъ. Послѣ наказанія онъ отдалъ его въ науку какому-то варшавскому маляру. Черезъ полгода Шевченко зналъ уже все, чему могъ научить его этотъ учитель. Тотъ былъ, какъ видно, человекъ честный и неглупый: онъ прямо сказалъ Энгельгардту, что у Шевченко большой талантъ къ живописи, и совѣтовалъ не

*) Одинъ изъ героевъ войны 1812 года.

оставлять ученья. Помѣщикъ разсчелъ, что доходъ съ крѣпостного будетъ больше, если сдѣлать его не простымъ маляромъ, а настоящимъ живописцемъ. Тараса пріодѣли и стали посылать къ первому варшавскому портретисту. Юноша ретиво принялся за работу.

Въ Варшавѣ Шевченко познакомился съ одною хорошенькою швеею. Она была полька и вольная. Отъ нея Тарасъ научился польскому языку, но дѣвушка и слышать не хотѣла о замужествѣ съ крѣпостнымъ. Шевченко сильно затосковалъ и по родинѣ, и по волѣ...

Въ это время пошли слухи, что поляки собираются начать возстаніе. Помѣщикъ Шевченко поскорѣе уѣхалъ въ Петербургъ, а крѣпостные были отправлены туда же по этапу, потому что помѣщикъ совершенно напрасно боялся, что они разбѣгутся. Тарасу Григорьевичу пришлось опять бросить ученье, разстаться съ любимой дѣвушкой. Дѣло было зимою.

Въ дорогу крѣпостныхъ отправили, кое-какъ снарядивши ихъ. У Шевченко порвался сапогъ, такъ что отпадала подошва. Чтобъ не отморозить ноги онъ время отъ времени надѣвалъ цѣлый сапогъ съ одной ноги на другую. Эти остановки сильно надоѣдали этапнымъ солдатамъ, и одинъ изъ нихъ разъ ударилъ Шевченко по шеѣ.

По неотступной просьбѣ Шевченко, помѣщикъ отдалъ его въ Петербургъ на четыре года въ ученье живописныхъ дѣлъ мастеру Ширяеву. Ширяевъ былъ простымъ маляромъ и учителемъ никуда негоднымъ, плохо содержалъ своего ученика и заставлялъ его работать безъ отдыха, красить рамы, заборы и т. п. Но и Ширяевъ не могъ отбить у Шевченко охоты къ живописи. Въ праздники юноша бѣжалъ въ Эрмитажъ любоваться богатымъ собраніемъ картинъ, выставленныхъ въ этомъ зданіи. Въ свѣтлые

весенніе вечера и ночи Шевченко, кончивъ постылую работу у Ширяева, убѣгалъ въ Лѣтній садъ и здѣсь, какъ умѣлъ, срисовывалъ статуи, которыя были разставлены для украшенія по дорожкамъ сада.

Въ Лѣтнемъ саду Шевченко случайно увидѣлъ молодой художникъ Иванъ Максимовичъ Сошенко. Онъ любопытствовалъ, что за оборвышъ, въ пестрядинномъ халатѣ, босой и безъ шапки, рисуетъ ночью, и заговорилъ съ Шевченко. Оказалось, что они земляки: Сошенко былъ самъ родомъ изъ Ольшаной.

Загнанный и угрюмый юноша такъ долго не зналъ никакой ласки, что Сошенко трудно было вызвать его на откровенность: только мало по малу Шевченко рассказалъ все про себя. Художникъ хотѣлъ помочь, чѣмъ могъ только, талантливому земляку. Самъ онъ былъ человѣкъ бѣдный и не вліятельный. Посовѣтовался онъ съ другимъ землякомъ, писателемъ Гребенкой, и они рѣшили, что Шевченко

непремѣнно надо избавить отъ Ширяева. Гребенка представилъ Тараса Григорьевича человѣку, который занималъ видное мѣсто въ академіи художествъ, *) Вас. Ив. Григоровичу. Тотъ въ свою очередь представилъ Шевченко писателю Василию Андреевичу Жуковскому.

Эти люди всячески обласкали Шевченко, ободряли его, помогали ему деньгами, совѣтами, книгами, и тогда же задумали выкупить его на волю. Тарасъ Григорьевичъ ободрился, сталъ правильно работать; старался пополнить чтеніемъ свое ничтожное образованіе: своими успѣхами онъ изумлялъ новыхъ своихъ друзей. Въ томъ же Лѣтнемъ саду, гдѣ нашелъ его, Сошенко, онъ началъ писать стихи. Надежда на свободу поддерживала его, онъ вспоминалъ про далекую родину, такъ непохожую на непривѣтливый чинный и холодный Петербургъ; ему хотѣлось жи-

*) Главное въ Россіи училище для всѣхъ художниковъ.

вымъ словомъ выразить все, что было на душѣ ..

Помѣщикъ Шевченко, по уговору его покровителей, соглашался опредѣлить его въ академію. Шевченко рисовалъ въ это время ужъ настолько хорошо, что баринъ заказывалъ ему портреты и давалъ за то иной разъ цѣлый рубль серебромъ. Но незадолго до того запретили принимать въ академію крѣпостныхъ. Поэтому Шевченко могъ поступить въ академію не иначе, какъ сдѣлавшись сначала вольнымъ.

Между тѣмъ дѣло о выкупѣ затянулось. Энгельгардтъ запросилъ за Шевченко неслыханную цѣну, и Жуковскій съ друзьями не могли его уломать. А тутъ, то и дѣло, бывали случаи, напоминавшіе юношѣ, что значить быть крѣпостнымъ. Разъ его чуть не высѣкъ управляющій Энгельгардта за то, что Шевченко какъ-то разговаривался съ дворовыми про ихъ тяжелое житье-бытье. Другой разъ вышло еще

хуже. Какой-то генераль заказаль Шевченко свой портретъ за 50 рублей, но портретъ ему не понравился и онъ его не принялъ. Съ досады, что пропали даромъ время и трудъ, Шевченко на портретѣ намылил генералу бороду и продалъ картинку для вывѣски цырюльнику. Генераль увидѣлъ себя на вывѣскѣ; взбѣшенный, онъ перекупилъ портретъ для себя, а чтобъ отмстить дерзкому художнику, предложилъ за Шевченко Энгельгардту 10000 рублей ассигнаціями. Энгельгардтъ, хоть и зналъ, отчего генераль торгуеть Шевченко, но за такія деньги продать былъ не прочь.

Шевченко былъ въ полномъ отчаяніи. Разъ, въ началѣ 1838 года, онъ самъ не свой пришелъ къ Сошенко и до смерти его напугаль: проклиная свою горькую долю, Шевченко жаловался на помѣщика, пригрозилъ ему страшною местью и наконецъ убѣжалъ, не помня себя. Сошенко со страхомъ ждалъ большой бѣды.

Къ счастью все кончилось благополучно. Жуковский наконецъ сторговался съ Энгельгардтомъ и попросилъ знаменитаго художника Брюллова написать съ него, Жуковского, портретъ, чтобъ разыграть въ лотерею этотъ портретъ въ Царской Семѣ, очень любившей Жуковского. Брюловъ съ радостью исполнилъ эту просьбу. При дѣятельномъ содѣйствіи Государыни Императрицы портретъ былъ разыгранъ, собранныя деньги переданы Энгельгардту, и 22 апрѣля 1838 года Шевченко сталъ вольнымъ.

Сошенко сидѣлъ въ этотъ день у себя, въ подвалѣ большого каменнаго дома, и по заказу прилежно писалъ четырехъ евангелистовъ для царскихъ вратъ. Въ холодномъ Питерѣ только что запахло весной и художникъ открылъ окно, которое было вровень съ землею. Вдругъ въ комнату, чрезъ окно, всакиваетъ Тарасъ, опрокидываетъ картину чуть не сшибаетъ Сошенко съ ногъ, бросается ему

на шею и кричить: „свобода! свобода!“ — Съ ума ты сошелъ, что-ли? — спрашиваетъ Сошенко, а тотъ только прыгаетъ по комнатѣ и кричить: свобода! Понявши въ чемъ дѣло, Сошенко сталъ душить друга въ объятіяхъ, и оба расцѣловались и расплакались, какъ дѣти.

II.

Получивши свободу, Шевченко поступилъ въ академію и сдѣлался ученикомъ самого Брюллова. Жилось ему первое время очень безопасно и весело; бѣдность часто давала себя знать, но онъ не унывалъ и проказилъ напропалую. Разъ товарищъ Шевченко, — такой же бѣднякъ, какъ и онъ, — рисовалъ ангела и понадобилась ему какая-нибудь большая птица, чтобъ срисовать крылья. Художникъ пошелъ къ матери, пообѣдалъ у нея и выпросилъ рубль на покупку гуся. У Шевченко

съ другимъ еще товарищемъ въ это время не случилось ни копѣйки: на пустой желудокъ они распѣвали въ мастерской мало-россійскія пѣсни; когда богачъ похвастался имъ своимъ рублемъ, они недолго думая отняли этотъ рубль и удрали въ трактиръ. Но нужно было добыть и гуся, и вотъ—изъ трактира грабители отправились на охоту. У одного служащаго въ академіи по двору гулялъ табунокъ гусей. Накрыли гуся шинелью, зажали ему клювъ и потащили въ мастерскую. Крылья ангела были живо написаны, а гуся друзья тутъ-же сварили въ самоварѣ и съѣли. Скоро Шевченко разжился деньгами и заплатилъ за гуся хозяину, который вмѣстѣ съ другими долго хохоталъ надъ этой продѣлкой.

Занимаясь живописью, Шевченко однако же все больше и больше увлекался сочиненіемъ стиховъ. Пріятель его Сошенко иной разъ упрекалъ его за то, что онъ мало работаетъ. Шевченко самъ

понималъ, что живопись, пожалуй, болѣе вѣрный заработокъ, чѣмъ стихи, но не могъ да и не хотѣлъ ломать себя. Иной разъ сядетъ онъ за картину, задумается да и опуститъ руки и начнетъ напѣвать или списывать бумагу да и пристаётъ къ Сошенко, хорошо ли удались стихи.

Въ 1840 году напечатанъ былъ небольшой сборникъ стихотвореній Т. Г. Шевченко, подъ заглавіемъ „Кобзарь.“ * Пѣсни Шевченко очень понравились землякамъ поэта. Шевченко не могъ забыть, что родные братья и сестры попрежнему крѣпостные, и въ его пѣсняхъ слышны были слезы всего обездоленнаго народа, изъ котораго онъ самъ вышелъ. Въ 1842 году Шевченко написалъ большой рассказъ въ стихахъ „Гайдамаки.“ Ему вспомнились рассказы дѣда про Уманьскую рѣзню 1768 г. и онъ живо передалъ ихъ

*) Кобзарями на Украинѣ назывались старики-пѣсенники, часто слѣпцы, подъ звуки „кобзы,“ инструмента въ родѣ гитары, пѣвшіе по селамъ сложенные ими пѣсни и думки.

въ этомъ произведеніи. Много было про-
лито крови, много зла творилось на Ук-
раинѣ, — думаль Шевченко: — пусть же
правдивый рассказъ о томъ времени на-
помнить людямъ, что всѣ они братья.
„Весело любоваться на слѣпого кобзаря,
какъ онъ сидитъ себѣ съ хлопцемъ, слѣ-
пой, подѣ тыномъ, и весело послушать
его, какъ запоетъ онъ думу про то, что
давно дѣялось, какъ боролись ляхи съ
казаками.—Такъ говоритъ Шевченко въ
предисловіи къ „Гайдамакамъ.“—Весело,
а все-таки скажешь: слава Богу, что
миновало. Тутъ и вспомнишь, что мы
одной матери дѣти, что всѣ мы сла-
вяне. Сердце болитъ, а рассказать надо:
пусть видятъ сыновья и внуки, что отцы
ихъ свели счеты, пусть снова побрата-
ются со врагами, пусть покрытая жи-
томъ-пшеницею, какъ золотомъ, славян-
ская земля останется неразмежованною
отъ моря до моря на вѣкъ.

Въ Петербургѣ великороссамъ мало

нравились стихи Шевченко; инымъ чудно казалось, что Шевченко самъ не свой дѣлается, какъ заговорить про свою милую Украину, что онъ пишетъ стихи на „мужицкомъ“ малороссійскомъ языкѣ; за это называли его человѣкомъ увлекающимся, восторженнымъ, энтузіастомъ. „Москали зовутъ меня энтузіастомъ—то есть дурнемъ, — такъ писалъ Шевченко одному другу: — ничего! Пусть буду мужицкій поэтъ, только бы поэтъ, больше мнѣ ничего не надо.“

Въ 1843 году Шевченко кончилъ ученіе въ академіи и поѣхалъ въ Малороссію, которой такъ долго не видѣлъ. Въ это время онъ задумалъ издать описаніе Украйны съ картинами разныхъ мѣстъ. Для этого пришлось много странствовать и пѣшкомъ, и на лошадахъ по городамъ и селамъ. Нарисовалъ онъ однако мало. Самъ Шевченко говаривалъ, что только начнетъ думать, какъ писать какую-нибудь картину—„вдругъ—кто его знаетъ

откуда — несетя, несетя пѣсня, складываются стихи, глядишь—ужъ и забылъ, про что думалъ, а скорѣе возьмешь да и запишешь, что навѣялось.“

Развеселые украинскіе паны наперебивъ старались заманить къ себѣ Шевченко, чтобъ хвастать потомъ, что угощали у себя лучшаго малороссійскаго поэта. Эти угощенія и кутежи—сказать правду—много отнимали времени у Тараса Григорьевича, такъ что работалъ онъ меньше, чѣмъ могъ бы по своему таланту. Да и не по душѣ были ему иногда эти знакомые. Разъ въ одномъ городкѣ Шевченко съ пріятелемъ зазвалъ къ себѣ какой-то помѣщикъ на обѣдъ. Они пришли довольно рано. Въ передней на скамейкѣ дремалъ крѣпостной слуга. Хозяинъ выглянулъ въ это время въ дверь, увидѣлъ, что слуга спитъ, а гостей не встрѣчаетъ, и разбудилъ его пощечиной. Тарасъ Григорьевичъ вспыхнулъ, надѣлъ шапку и ушелъ, ни слова не говоря. —

У другого помѣщика Шевченко не разъ бывалъ, считая его человѣкомъ образованнымъ и добрымъ. Однажды въ суровую зиму этотъ помѣщикъ прислалъ къ Шевченко съ какимъ то пустымъ порученіемъ пѣшкомъ за 30 верстъ своего двороваго человѣка и приказалъ ему явиться съ отвѣтомъ въ тотъ же день. Тарасъ Григорьевичъ не вѣрилъ своимъ ушамъ; задержать человѣка онъ не имѣлъ права и потому послалъ съ нимъ письмо помѣщику, что не знакомъ больше съ нимъ послѣ такого съ его стороны мучительства. Помѣщикъ написалъ въ отвѣтъ, что у него 300 душъ такихъ олуховъ, какъ Шевченко. Тарасъ Григорьевичъ рыдалъ, какъ ребенокъ, когда рассказывалъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ про этотъ случай.

Лучшимъ другомъ Шевченко въ это время была княжна Варвара Николаевна Репнина, дочь украинскаго генераль-губернатора Н. В. Репнина. Въ имѣніи его Шевченко провелъ зиму 1844 года, рисуя

портреты. Княжна была уже немолода: ей было 33 года. Умная и образованная, она очень цѣнила талантъ Шевченко и всячески старалась его удерживать отъ пустыхъ знакомствъ съ праздными помѣщиками, которые только и думали, что о кутежахъ. Тарасъ Григорьевичъ привязался къ ней, какъ ко второй сестрѣ. Вообще, домъ Репниныхъ былъ одинъ изъ немногихъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя совершенно свободно. Ему не по себѣ было въ слишкомъ чинныхъ хоромахъ. Гдѣ встрѣчали его просто, но искренно, тамъ и онъ бывалъ веселъ и разговорчивъ: любилъ рассказывать смѣшныя приключенія, такъ что всѣ помирали со смѣху, читалъ свои стихи, любилъ и пѣсню малороссійскую затянуть. Голосъ у него былъ небольшой, но мягкій и нѣжный, и не разъ онъ до слезъ доводилъ слушателей какою-нибудь любимую своею думкою. Иногда вечеромъ вмѣсто того, чтобъ идти въ гости по приглашенію

какого-нибудь важнаго господина, онъ говорилъ жившему съ нимъ пріятелю: „Пойдемъ лучше на Днѣпръ, сядемъ гдѣ-нибудь на кручѣ, да запоемъ,“ и напрасно ждали его хозяева, хотѣвшіе похвастать такимъ гостемъ.

Въ это время Шевченко побывалъ и на родинѣ, но мало радости было его сердцу, когда увидѣлъ онъ своихъ родныхъ попрежнему на барщинѣ; вдобавокъ сестра его Ирина жила очень несчастливо со своимъ мужемъ, маляромъ, горькимъ пьяницею.

Блуждая по городскимъ и деревенскимъ улицамъ, Тарасъ Григорьевичъ постоянно собиралъ вокругъ себя дѣтей. „Кого любятъ дѣти, тотъ значить не совсѣмъ еще поганый человѣкъ“—говаривалъ онъ. Не разъ, къ недоумѣнію прохожихъ, онъ на улицѣ садился съ дѣтьми въ кружокъ, рассказывалъ имъ сказки, пѣлъ дѣтскія пѣсенки, которыхъ зналъ множество, дѣлалъ имъ пищалки.

Однажды онъ рисовалъ на окраинѣ Кіева и нашель тутъ трехлѣтнюю дѣвочку, отставшую отъ няньки. Онъ посадилъ ее возлѣ себя на разостланный платокъ и забавлялъ ее игрушками изъ бумаги. Въ городѣ имъ встрѣтилась мать дѣвочки. Тарасъ Григорьевичъ ужъ собирался было оставить малютку у себя и со смѣхомъ рассказывалъ, какъ бы онъ сталъ воспитывать свою находку.

Шевченко терпѣть не могъ денегъ; если съ какимъ-нибудь другомъ онъ проводилъ долгое время, то всѣ денежные расчеты сдавалъ ему, а когда на рукахъ было много денегъ, онъ раздавалъ ихъ направо и налево, никогда не отказывая просящимъ. Многіе знали это и пользовались. Шевченко часто самъ нуждался и ему совѣтовали беречь деньги, а не сорить ими, потому что его обманываютъ. „Я и самъ знаю, — отвѣчалъ онъ: — да пусть меня лучше три раза надуютъ, а все-таки въ четвертый я подамъ

тому, кто вправду не видѣль, можетъ быть, куска хлѣба.“—Когда нужно было помочь кому-нибудь, онъ не думалъ, кто этотъ человѣкъ. Въ Украинѣ въ то время живое еще помнило польское владычество, и особенно не любили евреевъ. При проѣздѣ Шевченко чрезъ одно мѣстечко, ночью случился у какого-то бѣднаго еврея пожаръ. Собрался народъ, но тушили и помогали евреи же. Тарасъ Григорьевичъ бросился наравнѣ съ другими спасать скудный скарбъ погорѣльца, и по окончаніи пожара горячо упрекалъ христіанское населеніе въ равнодушіи къ чужой бѣдѣ: въ нуждѣ и бѣдѣ—говорилъ онъ: — человѣкъ какого бы онъ племени ни былъ, какова бы ни была его вѣра, дѣлается намъ самымъ близкимъ братомъ.

Въ каждомъ дѣйствиіи Тараса Григорьевича сказывалась его необыкновенная доброта, его чистая какъ хрусталь душа. Даже съ животными онъ не могъ быть суровымъ: не разъ защищалъ онъ котятъ

и щенковъ отъ уличныхъ мальчишекъ, часто покупалъ у дѣтей птичекъ, чтобъ выпустить ихъ на волю. Одно время онъ жилъ въ Кіевѣ около базара съ однимъ пріятелемъ, и бывало утѣшается и зоветъ его къ окну полюбоваться, какъ какая-нибудь голодная собаченка съ краденой баранкой въ зубахъ боязливо пробирается подъ заборомъ.

Эта душевная доброта такъ и привлекала къ нему людей. И все-таки ему пришлось жизнь прожить одинокимъ холостякомъ. Ему не пришлось встрѣтить женщины, которая бы и ему такъ нравилась, чтобы на всю жизнь сойтись съ ней и которая бы и его такъ же полюбила. „Отъ, дурныця!—говаривалъ онъ иногда о какой-нибудь дѣвушкѣ, которая ему нравилась: — пока съ нею болтаю, будто что-то и шевелится въ сердцѣ, а тамъ и все равно!“ Чаше всего выходило, что либо иной нравился самъ Тарасъ Григорьевичъ, да не могла она понять ни

моя моя поминать

думъ его, ни сердца; либо самъ онъ не нравился, грубоватый съ виду и неуклюжій хохоль.

Въ 1847 году Тарасу Григорьевичу пришлось попасть въ солдаты. Цѣлыхъ десять лѣтъ онъ провелъ далеко отъ Украйны — въ Оренбургѣ, въ Орской крѣпости, у Аральскаго моря, въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи — безъ друзей и любимыхъ занятій. Онъ только и жилъ думами о своей милой Украйнѣ: песчаная безлюдная степь, тяжелая солдатская крѣпостная служба, все это было такъ непохоже на прежнее. Въ одномъ стихотвореніи онъ рассказываетъ, какъ въ воскресный день уходилъ за крѣпостные валы надъ Ураломъ въ степь и вспоминалъ про зеленія украинскія степи съ садами, полями и высокими могилами.

Неначе злодій, по за валамы

Въ недилію ¹⁾ крадуся я въ поле,

Таламы ²⁾ выйду по-надъ Ураломъ

На степь широкий, мовъ на волю.

И болящее, побыте
Серце стрепенеться,
Мовъ рыбонька надъ водою
Тыхо усмихнется;
И полыне ³⁾ голубкою
По надъ чужымъ полемъ, —
И я нибы оживаю
На поли, на воли...
И на гору высокую
Выхожу, дивлюся —
И згадую ⁴⁾ Украину —
И згадать боюся..
И тамъ степы, и тутъ степы,
Та тутъ не такыи —
Руди, руди ажъ червони,
А тамъ голубыи;
Зеленыи, мерезани ⁵⁾
Нывамы, ланамы, ⁶⁾
Высокымы могиламы,
Темнымы лугамы...
А тутъ бурьянъ, пискы, талы,
И хочъ-бы на-смихъ де могила

О давнымъ давни говорила.

Неначе люде не жылы...

О моя доле! моя Краино!

Чи я то вырвусь зъ ции пустыни?..

Чи може (крый, ⁷) Боже)

Туть и загыну?..

Въ 1858 году Шевченко получилъ отставку и могъ вернуться къ прежнимъ занятіямъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ это время на престолѣ былъ уже Императоръ Александръ II Николаевичъ и въ обществѣ было извѣстно, что готовится освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Тарасъ Григорьевичъ самъ былъ крѣпостнымъ, пѣсни его напоминали о горькой долѣ подневольнаго

1) Воскресеніе.

2) Кустами.

3) Понесется.

4) Вспоминаю.

5) Пересыпаны.

6) Ленъ—полоса пахатной земли.

7) Сохрани, избави.

люда; поэтому всё изъ образованныхъ людей, кто только радовался освобожденію крестьянъ, горячо встрѣчали Шевченко. Писатели, художники, всё наперерывъ приглашали его къ себѣ. „Даже писемъ не даютъ написать: нужно куда-нибудь спрятаться“ — такъ Шевченко жаловался въ своемъ дневникѣ на небывалый почетъ, выпавшій ему на долю.

Забавна и трогательна дружба его въ это время съ актеромъ Ольриджемъ. Этотъ актеръ былъ негръ; онъ родился въ Америкѣ, гдѣ негры были еще рабами бѣлыхъ. На нихъ смотрѣли съ крайнимъ презрѣніемъ; напримѣръ, во многихъ мѣстахъ входъ въ театръ былъ неграмъ запрещенъ наравнѣ съ собаками. Ольриджъ съ дѣтства страстно полюбилъ театръ, пробилъ себѣ дорогу своимъ талантомъ и сталъ знаменитымъ въ Европѣ и Америкѣ; особенно хорошо онъ игралъ въ драмахъ Шекспира. Въ 1858 году Ольриджъ пріѣзжалъ давать пред-

ставленія и въ Россіи. Шевченко видѣлъ въ Петербургѣ его удивительную игру и захотѣлъ съ нимъ познакомиться. Олбриджъ говорилъ только по англійски и французски, а Шевченко зналъ только по польски, по русски да малороссійски. Несмотря на то, они очень подружились, и пока Олбриджъ былъ въ Петербургѣ, они часто безъ переводчика проводили вмѣстѣ цѣлые дни. Шевченко писалъ съ него портретъ и тутъ же пѣлъ малороссійскія думки, Олбриджъ затягивалъ заунывныя негритянскія пѣсни или читалъ по англійски отрывки изъ Шекспира, котораго Шевченко зналъ въ русскомъ переводѣ, гдѣ нужно было, объяснялись знаками, и оба были вполне довольны другъ другомъ. Родные Олбриджа были рабами въ Америкѣ, родные Шевченко все еще крѣпостными на Украинѣ; Олбриджъ значительную часть выручаемыхъ денегъ тратилъ въ пользу черныхъ невольниковъ; Шевченко послѣдней копѣйкой дѣлился

съ бѣднякомъ, и они хорошо понимали и любили другъ друга.)

Весною 1859 года Шевченко снова былъ на Украинѣ, снова былъ въ родныхъ мѣстахъ, побывалъ и въ Кирилловкѣ. Здѣсь онъ нѣсколько дней провелъ со своею сестрою Ириной, у которой въ это время уже умеръ мужъ пьяница. Родные такъ долго не имѣли вѣстей о Тарасѣ Григорьевичѣ, что ужъ не ожидали и встрѣтиться съ нимъ. Вотъ какъ Ирина рассказывала про это свиданіе: „Была я на огородѣ, копала грядки; смотрю, бѣжитъ моя дочка: мама, мама, васъ какой-то Тарасъ зоветъ! Скажи, говорить, матери, что къ ней Тарасъ пришелъ. Какой Тарасъ? спрашиваю, а сама и съ мѣста не встану. Гляжу, онъ и самъ идетъ. — Здравствуй, говорить, сестра! Я ужъ и не помню, что со мною тогда дѣлалось. Сѣли мы на порогъ; онъ, сердечный, положилъ голову на колѣни мои, да все просить меня, чтобъ я ему

разсказывала про свое житье горькое. Вотъ я ему и разсказываю, а онъ слушаетъ да все поддакиваетъ: такъ, сестра, такъ! Наплакалась я вдоволь, пока до конца досказала, какъ мужъ умеръ. Всталъ онъ, сердечный, посмотрѣлъ на небо, перекрестился да и говорить: „молись, сестра, молись! И ты вольная, и я вольный!“

Тарасу Григорьевичу въ это время было уже 45 лѣтъ. Онъ задумывалъ бросить скитальческую жизнь, завести гдѣ-нибудь на Украинѣ хуторокъ и зажить на покоѣ. Задумывалъ онъ и жениться, непременно на простой дѣвушкѣ-наймичкѣ; жутко приходилось подъ старость жить одному. Родственникъ Тараса Григорьевича, Варѣоломей Григорьевичъ Шевченко, подыскалъ ему для хутора красивое мѣсто на правомъ берегу Днѣпра, близъ Канева, на высокой горѣ, въ лѣсочкѣ изъ дикихъ грушъ и яблонь, гдѣ можно было и садъ развести. Но не пришлось Тарасу Гри-

горьевичу пожить въ этомъ уголкѣ, какъ не пришлось найти и пары себѣ...

Живя постоянно въ Петербургѣ, Тарасъ Григорьевичъ не переставалъ думать, какъ помочь своимъ роднымъ, и заводилъ переговоры съ помѣщикомъ. Тотъ соглашался дать волю, только безъ земли. Шевченко предостерегалъ родныхъ отъ такой воли и переговаривался съ помѣщикомъ на счетъ выкупа съ землею. Помѣщикъ заломилъ несообразную цѣну. Дѣло кое-какъ уладилось при помощи предсѣдателя „общества для пособія литераторамъ“, Е. П. Ковалевскаго. Благодаря ему, родные Тараса Григорьевича получили свободу съ землею за нѣсколько мѣсяцевъ до обнародованія Высочайшаго манифеста объ освобожденіи, и Тарасъ Григорьевичъ могъ спокойно закрыть свои глаза.

Послѣднее время своей жизни, Шевченко писалъ хоть и довольно много, но все это было ужъ не то, что прежде, — далеко не такъ хорошо, какъ то, что онъ писалъ въ молодости, когда только что сталъ

вольнымъ и былъ полонъ силъ и здоровья. Онъ состарѣлся прежде времени...

Послѣдней его работой былъ южно-русскій букварь. Задумывалъ онъ написать и другія книжки для народа, чтобъ содѣйствовать образованію его, ариѣметику, географію, но смерть была уже за плечами.

Заботы и горе, нездоровый петербургскій климатъ, кутежи, что онъ позволялъ себѣ въ молодости, когда вырвался на свободу, — все это вмѣстѣ подкосило его крѣпкое здоровье. Съ ноября 1860 года онъ постоянно жаловался на боль въ груди. Январь и февраль 1861 г. онъ уже не могъ выходить изъ дому. „Вотъ если-бы домой, тамъ бы я, можетъ быть, и поправился“ — говорилъ онъ наканунѣ смерти, думая о своей милой Украинѣ.

Тарасъ Григорьевичъ скончался 26-го февраля 1861 года, въ половинѣ шестого часа утромъ, отъ водянки легкихъ. Только на недѣлю онъ не дождался радостнаго манифеста объ освобожденіи крестьянъ,

Высочайшій манифестъ, изданный 19-го февраля, былъ объявленъ въ Петербургѣ 5-го марта.

Писатели, художники, всѣ земляки поэта — торжественно погребли его тѣло сперва на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ. Предъ смертью Шевченко выражалъ желаніе, чтобъ его похоронили на родинѣ. Исполняя волю покойнаго, земляки чрезъ нѣкоторое время повезли гробъ на Украину.

7-го мая 1861 года Шевченко похоронили въ трехъ верстахъ отъ Канева на Чернячей горѣ надъ Днѣпромъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ думалъ онъ пожить на покой. Далеко видна съ Днѣпра его одинокая могила.

Сочиненія Шевченко, писанныя имъ на малороссійскомъ языкѣ, издаются книгою подъ заглавіемъ „Кобзарь.“ Многія изъ нихъ переложены и на великорусскій говоръ разными писателями.

ПОСТУПАЮЩАЯ ВЪ ПРОДАЖУ

ПОДЪЯВЛЯЮЩАЯСЯ

1. Н. Златовратский. — Деревенский народ и Горе старика Кавказа. — Два русские.
2. Вл. Короленко. — Дети подземелья. — Рассказы.
3. Н. Златовратский. — Аравия. — Рассказы.
4. Н. Ш. — Труды богатого дельца.
5. Т. Н. Тургенев. — Ветеринар Московской городской уезды. — Остатки народа, какъ ходитъ за ней и какъ помогаетъ ей при тѣснотѣ. — Второе издание.
6. Вл. Н. Некрасов. — Давление. — Повести.
7. Вл. Басаржик. — Охоты. — Очеркъ изъ жизни города. — Издание.
8. Н. М. Максимов. — Лето. — Рассказы о жизни и быту.
9. А. Вяткин. — Жизнь и писанья А. В. Кольцова.
10. Это же. — Жизнь и стилизации Н. С. Пушкина.
11. В. Вокзал. — Борьба Аполлона Сатурна.
12. В. Вяткин. — Т. Т. Шварца. — Украинский народ.

ОКЛАДЪ ПОДАРИ

въ Москвѣ. Трехдѣльный годъ, книжкины оклады
А. М. Мухоморовъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

№№

1. Н. Златовратскій. — Деревенскій король и Горе стараго Кабана. — Два разсказа.
2. Вл. Короленко. — Дѣти подземелья. — Разсказъ.
3. Н. Златовратскій. — Авраамъ. — Разсказъ.
Н. Ш. — Трудъ, богатство, деньги.
4. Г. И. Гуринъ, ветеринаръ Московской Городской Управы. — Стельная корова, какъ ходить за ней и какъ помогать ей при тelenіи. — Второе изданіе.
5. Вас. И. Немировичъ-Данченко. — Живодеръ. — Повѣсть.
6. В. Быстренинъ. — Сухарь. — Очеркъ изъ жизни городской бѣдноты.
7. Н. Маминъ-Сибирякъ — Лѣтныя. — Разсказъ о жизни сибирскихъ бѣглыхъ.
8. Ч. Вѣтринскій. — Жизнь и пѣсни А. В. Кольцова.
9. Его же. — Жизнь и стихотворенія И. С. Никитина.
10. Е. Волкова. — Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и его время. — Истор. очеркъ.
11. Ч. Вѣтринскій. — Т. Г. Шевченко, украинскій поэтъ.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ

въ Москвѣ, Трехпрудный пер., книжный складъ
А. М. Муриновой.

